

М. В. Куцаева

ИЯз РАН, Москва

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

1. Введение

Диаспора — «совокупность лиц определённой этнической принадлежности, проживающая за пределами основного традиционного места расселения этого народа, объединённая общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющая свой этнический язык в качестве одного из средств общения» [Михальченко 2006: 57]. В типологии диаспор помимо внешних диаспор в настоящее время выделяют и внутренние: различные диаспоры в рамках многонационального государства за пределами основного места компактного проживания этноса [Михальченко 2006: 58].

Чуваши — один из крупнейших народов Российской Федерации (1 435 872) [Всероссийская перепись населения 2010]. Способ расселения чувашей традиционно отмечен рядом особенностей: с одной стороны, чуваше являются одним из наиболее весомо представленных в своей республике титульных этносов, с другой стороны, это один из наиболее дисперсно расселённых [Иванов 2005: 8]. За пределами административных границ Чувашской Республики ныне проживает 43,3 % чувашей [Фомин 2016: 826], как компактными группами (Урало-Поволжский регион), так и дисперсно во многих регионах страны, в том числе и в Московском (14866 — Москва, 12466 — Московская область) [Всероссийская перепись населения 2010].

Проблема сохранения этнического языка в условиях, с одной стороны, оторванности от метрополии, с другой стороны, проживания в многоязычном городе представляется для чувашей актуальной.

Материалом для исследования послужило собственное социолингвистическое обследование автора, которое проводилось в Москве и Московской области в диаспорной среде московских чувашей в течение двух с половиной лет. Выборка включает 100 человек (85 — первое поколение, 15 — второе). 30 вопросов анкеты в общих чертах могут быть разделены на 4 крупных блока, один из которых, в частности, касался вопроса сохранения этнического языка.

2. Сохранение языка в первом поколении диаспоры

В первом поколении у большинства респондентов в выборке (81 %) отсутствует страх забыть чувашский язык. Это касается, с одной стороны, активных билингвов, выходцев из сельской среды в Чувашской Республике: *«Куда он денется? Не потеряю!»* (Михаил Х., 44), *«Личного страха нет»* (Евгений, 32), *«Никакого страха! Как это? Свой родной язык забыть и потерять? Я не поверю никогда! Это обман!»* (Ирина, 44), *«Ну как это — потерять? Я его знаю»* (Аркадий П., 51), *«Я не потеряю, я в себе уверенный»* (Петр А., 59). С другой стороны, об этом заявили и пассивно владеющие чувашским языком (как правило, уроженцы городов и поселков городского типа): *«Я ведь чувашский не так хорошо знаю, я даже английский больше теперь знаю, бывал в Америке и в Египте. Но основные фразы от родителей, когда был маленький, они на чувашском их говорили, не потеряешь!»* (Евгений Б., 27), *«Страх нет, потому что азы со мной останутся всегда — в плане прочитать, понять»* (Наталья Я., 32).

Однако проживание вдали от малой родины определенным образом влияет на уровень владения чувашским, особенно у активных билингвов. *«Я замечаю, что стала не так красиво говорить, как те, кто там живет. Это неприятно»* (Лилия Щ., 47), *«Но литературный язык я не помню уже. Свой диалект только, на котором в деревне разговариваем. Вот это я воспринимаю. А вот в Канаше услышала у водителя передачу. Думаю: «Что это за язык?», Даже не понимаю! Тем более, это культурные передачи, они же стараются литературно разговаривать. Как-то я не поняла сперва!»* (Лилия Е., 36), *«Я общаюсь, у меня есть общение определенное на языке. Конечно, я уже начинаю осознавать, что мне тяжело читать на чувашском языке. Когда я вижу в деревне газеты какие-то, мне тяжело читать, и я не хочу читать. И поэтому не читаю — тяжело.*

Мне лучше почитать на русском ту же чувашскую газету, но на русском которая, чем на чувашском» (Елена Т., 34). Некоторые даже испытывают страх: *«Есть страх. Появился пять лет назад, когда я поняла, что мой словарный запас чувашского языка понемногу иссякает. Была очень смешная история, когда мы с подругой долго не могли вспомнить, как будет “заяц” на чувашском. Мне стало безумно стыдно, и я поняла, что надо разговаривать. И я стараюсь не забывать. Тогда же пришлось обратиться к другу по интернету, чтобы вспомнить, как будет “заяц”. Испугалась, потому что я не использую эту речь так часто, эти слова так часто. Поэтому могу что-то забыть. Они понемногу забываются»* (Алина, 27), *«Страх есть, конечно. Не практикуешь если чувашский»* (Дмитрий Т., 24).

Для того, чтобы сохранить язык в условиях диаспоры, по мнению респондентов, требуется общение на чувашском. Одни имеют возможность общаться на чувашском в Московском регионе: *«Страх нет, стараемся не потерять, здесь в принципе много родственников у нас, это был приоритет»* (Наталья С., 32), *«Ну, родной язык — есть родной язык. Я не потеряю, потому что я все время общаюсь по-чувашски. Песни по-чувашски пою. Всегда. Я никогда не забуду свой язык. Никогда! Я любой чуваша поставлю на тупик песнями.. никто не знает, сколько я песен знаю»* (Петр М., 71), *«Ну, я знаю, что его не забуду. И у меня есть на работе, с кем посекретничать на чувашском. Мой коллега на это активно отзывается»* (Татьяна И., 35), *«Когда на родину приезжаю, с соседями — на чувашском. Они прям удивлены были: “Ой, ты не забыла чувашский язык!”. Я говорю: “Как я забуду? У меня родной брат здесь живет. В Москве. Сестра у меня двоюродная, одна, вторая. У сестры двоюродной муж тоже с нашей же деревни”. В общем, есть с кем здесь поговорить»* (Мария Л., 63). Другие поддерживают связь с родственниками на малой родине: *«Нет, не боюсь. Я потому что часто общаюсь на чувашском. И по телефону с матерью. Мы часто созваниваемся. С братьями, с сестрами. С друзьями. Все на чувашском»* (Станислав Г., 32), *«Страх для меня самой нет, так как общение с родителями поддерживается. Чтобы слова забыла — такого со мной еще не было!»* (Татьяна Ю., 33), *«Нет, не растеряю язык. Я же вырос с ним. А сохранить как? Чаще в Чувашию ездить, к родственникам»* (Сергей И., 47), *«Русский — мой родной. Но так как чувашский — это родители и культура, я хотел бы его*

сохранить, у меня есть какой-то уровень языка — он ниже не станет, потому что я езжу в Канаду, его там употребляю» (Владимир Н., 58). Третьи, как активные, так и пассивные билингвы, особенно представители младших когорт, полагаются на современные телекоммуникации, предоставляющие широкие возможности для поддержания языка: *«Страха нет, тем более, что к этому более позитивное отношение в связи с развитием современных технологий, люди повсвободнее стали с появлением интернета»* (Татьяна А., 32), *«Нет, я не могу его забыть! Сейчас трудно забыть: сейчас есть интернет, и молодежь более трепетно стала относиться, особенно деревенская»* (Дмитрий М., 29), *«Теперь сохранится, у меня возможностей больше, я более грамотный стал, в первую очередь — интернет. Очень много ресурсов появилось»* (Андреас Е., 30).

3. Сохранность этнического языка во втором поколении диаспоры

Как выяснилось в ходе обследования, межпоколенная передача чувашского языка в семье в Московском регионе достаточно слабая. На вопрос о том, какой язык/какие языки могут понадобиться в будущем детям, среди 85 представителей первого поколения диаспоры были получены результаты, которые мы приводим в таблице 1.

Таблица 1.

Язык/языки	20–30	31–40	41–50	51–60	61–84
русский		4,3 %		48 %	79 %
русский и чувашский	12 %	9,0 %	30 %	24 %	7 %
русский и английский	47 %	43,4 %	40 %	19 %	7 %
русский, чувашский, английский и другие иностранные языки	41 %	43,4 %	30 %	9 %	7 %

Самое старшее поколение в выборке (лица старше 60 лет) в подавляющем большинстве (79 %) считает приоритетным знание русского языка. Лица 50–60 лет приоритетным назвали в основном (48 %) русский язык, однако здесь появляются практически равнозначные по количеству варианты: необходимо знание «русского и чувашского языков» (24 %) или «русского и английского» (19 %). Представители когорты 41–50 лет практически равнозначно расставили приоритеты между различными вариантами с небольшим

перевесом в категории «русский и английский» — 40 %, тогда как в остальных вариантах по 30 %. Респонденты 30–40 лет считают равноценно необходимым знание либо «русского и английского» (43,4 %), либо «русского, английского и чувашского» (43,4 %). Представители когорты 21–30 лет делают ставку на английский и русский языки (47 %), но значительна доля тех, кто отмечают важность знания чувашского наряду с другими языками (41 %). Таким образом, позиции чувашского языка, а значит и его престижность, усиливаются в младших возрастных когортах, однако, как правило, респонденты еще либо не обзавелись детьми, либо имеют детей младшего возраста, и утверждения о необходимости знания тех или иных языков могут носить скорее декларативный характер.

Как стало очевидно из языковой биографии респондентов второго поколения, в большинстве случаев (73 %) в детстве родители всегда разговаривали с ними по-русски, с одной стороны, вследствие болезненного языкового опыта в прошлом — собственного («Родители между собой говорили на чувашском, но они в принципе были не против, чтобы я освоила чувашский язык. Ну вот сама по себе. Но у меня не получалось, а они говорили: “Ну ничего страшного! Мы когда в восьмом классе поехали в районный интернат жить, над нами русские смеялись, то что мы не умеем хорошо говорить по-русски. У нас очень плохой русский язык был”. Вот. То есть в этом плане.. у них была такая мысль, что они как бы не особо хотели, чтобы я говорила на чувашском как на родном. Русский для них был важнее» (Татьяна С., 27) или опыта со старшими детьми («Мои родители всегда говорили друг с другом по-чувашски, им так удобно, он у них родной язык. А со мной — по-русски. Везде. С моими сестрой и братом — тоже, конечно. Но они уже выросли, они другое поколение, я с ними особо не жил. Ситуация, в общем, была такая, что они-то (старше меня на 13 и 12 лет) родились еще в деревне. И родной язык, по крайней мере, у сестры, был чувашский. Ну и у брата.. когда ему было два-три года, тоже начиналось на чувашском. А потом, когда переехали, началось с того, что брата, который в детском саду что-нибудь случайно скажет по-чувашски, начали сильно дразнить, в общем, родители, желая ему добра, переучили и сестру, и брата полностью на русский. А меня они даже не начали учить. Это был такой шовинизм, абсолютно распространенный в нашей стране, на бытовом уровне.. что в принципе нельзя говорить на своем языке» (Александр С., 25).

Те, кто пытался практиковать чувашский в семье и в Московском регионе (27%), вскоре сталкивались с трудностями, как только ребенок начинал посещать дошкольное учреждение, и были вынуждены отказываться от подобного эксперимента в пользу употребления исключительно русского языка во внутрисемейном общении: *«Когда я был маленьким, родители часто на чувашском разговаривали, а теперь — на русском. Их в саду или в школе, наверное, отругали, то что.. из-за этого, наверное, у меня по русскому были плохие оценки, и им сказали больше разговаривать на русском. Не знаю, правда, как они на мой русский язык... влияли, но так учителя решили!»* (Алексей А., 32). В период обучения респондентов в школе внутрисемейное общение на чувашском снизилось до 13% за счет роста общения исключительно на русском языке (87%) (см. таблицу 2)

Таблица 2.

Внутрисемейное общение / язык	чувашский	русский	чувашский и русский
в детстве до школы		73 %	27 %
в период обучения в школе		87 %	13 %

В Московском регионе доминирующим языком общения является русский язык, использование чувашского языка среди представителей первого поколения, активных билингвов, тяготеет сугубо к семейно-бытовой сфере, к дружескому общению, как правило, с людьми более старшего возраста или с ровесниками, почти никогда с детьми. *«С супругом тоже на чувашском, даже в Москве. Потому что он... у него принципиальная позиция. До знакомства с ним я всегда больше, то есть даже в семье мы втроем с сестрами разговаривали больше по-русски, здесь в Москве. Ну, так по привычке сложилось. Когда познакомилась с ним, а он — у него принципиальная позиция, он не любит без необходимости острой по-русски разговаривать. У него в приоритете чувашский язык. Если человек хоть сколько-то понимает по-чувашски, он будет с ним разговаривать по-чувашски, принципиально не будет по-русски разговаривать. Если я вдвоем с дочерью Машей, я разговариваю с ней на русском. Втроем мы разговариваем по-русски. С ней он разговаривает по-русски. Это потому что он привык с ней разговаривать по-русски, это, скорее всего, вопрос привычки. И уже поэтому...*

мы с ней привыкли изначально по-русски разговаривать, и поэтому общение с ней у нас идет по привычке на русском. Автоматически. Это мы даже не задумываемся. Он всегда говорил: “Вот сначала пусть по-русски начнет разговаривать, русский выучит, а потом обязательно начнем обучать чувашскому языку”» (Татьяна Т., 36), «Дома я с сыном на русском, но на чувашском между собой с мужем, но сын понимает, если на чувашском к нему обращаешься. Но, конечно, наши дети, вот у друзей тоже, в основном на русском разговаривают уже» (Эльвира Е., 37).

Между тем чувашский, не являясь средством регулярного общения между родителями и детьми, играет немаловажную роль: в семейно-бытовом общении в 46 % случаев в выборке чувашский язык используется представителями первого поколения в конспираторной функции, в том числе в отношении собственных детей: «Если мы хотим что-то сказать друг другу, чтобы дети не поняли, то это на чувашском можем сказать. Да, специально! А если нет такой цели, то при детях мы всегда на русском» (Елена Т., 34). Во втором поколении 27 % опрошенных упомянули чувашский язык в связи с его использованием в качестве тайного языка, указав на его связь с тайной или секретом. Одни из них владеют чувашским достаточно активно: «Если секрет какой-то надо сказать с мамой, я тогда на чувашском языке, чтобы муж мой не понял! В общем, когда по секрету надо сказать, я сразу на чувашский перехожу! Это у нас как-то все уже понятно, принято» (Ксения В., 46), другие — пассивно: «Чувашский — я его понимаю, но я как бы я не разговариваю. Но хорошо, что я его понимаю, он мне интересен, он мне он нужен! Ну, чтобы понять, что, может, от меня родители скрыли что-нибудь» (Татьяна Л., 35).

Респонденты, назвавшие чувашский в числе языков, которые могут понадобиться в будущем им или их детям, частично свой ответ мотивировали следующим образом: «Язык родителей и бабушек и дедушек чтобы понимать» (Евгений, 32), «А чувашский — он нужен чтобы знать, поддерживать свои традиции, корни знать. Как бы для культурного роста дальше, чтобы человек знал свои корни и свой язык» (Татьяна Т., 36), «Потому что свой род, свою нацию, свою традицию, свою культуру нельзя забывать» (Надежда Л., 53).

Однако по разным причинам (нехватка времени, школьное обучение в Московском регионе полностью на русском языке, повсеместная распространенность русского языка, необходимость

изучать иностранные языки) детям не передают в семье чувашский язык. Кроме того, сохраняются стойкие стереотипы относительно двуязычия, ценности которого, видимо, едва ли осознаются большинством членов чувашской диаспоры, в том числе и молодыми ее представителями. *«Дети стали бы чувашский учить, если бы русский уже выучили»* (Надежда И., 22). Наконец, устойчивой представляется связь чувашского с деревенским укладом жизни, малообразованностью, а значит, низкой является его престижность для городского жителя. *«Зачем чувашский нужен? Просто человек, который знает чувашский, по крайней мере, это мое субъективное мнение, он сразу обладает диалектом. Я не знаю, почему это происходит, но даже молодежь, которая хорошо знает чувашский, это сразу видно! У них такой акцент! Даже если они как бы... стараются его не показывать, это все равно заметно, когда человек знает чувашский. Вот по крайней мере я сразу определяю! Вот что-то такое деревенское, я считаю, по крайней мере, в отношении чувашского языка»* (Ирина О., 33).

4. Роль чувашской деревни в передаче этнического языка

Первостепенная роль в трансмиссии этнического языка, по мнению опрошенных, принадлежит чувашской деревне. *«Пока есть чувашская деревня, мы можем быть спокойны за родной язык»* (Анатолий Я., 58), *«Язык — это важно. Пока есть Чувашия, пока в деревнях на чувашском разговаривают, страха нет»* (Дмитрий М., 33). Респонденты, кажется, с детства усвоили модель, согласно которой уроженцы городов и поселков Чувашской Республики, в городской среде использующие русский язык, могли освоить чувашский язык — хотя и в неполном объеме, — находясь в чувашской деревне во время летних каникул.

Более старшие представители чувашской диаспоры, как показал опрос, в прошлом отправляли детей в деревню скорее из практической необходимости, не преследуя особых «лингвистических» целей; знание детьми чувашского языка никогда не было для них приоритетным. *«Нет, здесь в Москве русский, а чувашский, конечно, они летом в основном уезжали к бабушке, они понимали. Да, но разговаривать — не говорили, но разговор понимали, целое лето когда жили. Я говорю тогда: “Понимаете?”, они мне: “Я, например, понимаю бабушку, дедушку понимаем, о чем говорят”. Ну, бабушка*

с бабушкой в основном, конечно, по-русски говорили, мы всегда при детях по-русски говорили. Вот как-то общение такое... Ну и бабушка, у жены-то моей, они учителя. В принципе, на русском в основном: люди же образованные! Поэтому дети мои, они все дополнительно иностранный язык учили, все. Не чувашский, конечно!» (Леонид П., 62). «Дети мои 1978 и 1980 года рождения. Чувашский язык они не хотели, но иногда спрашивали, как это переводится по-чувашски. Но дальше этого не пошло. В деревню отправляли, но с чувашским они не возвращались! Но им нужно знать — английский — очевидно. Всенародный. Везде двери открыты. А чувашский... ну чувашский — это так, между собой только... Как говорится, кто свой язык забывает, тот мертвый человек» (Вячеслав У., 60).

Респонденты более младших когорт, в настоящее время отправляя детей на лето в деревню, тем не менее отмечают важность подобных «лингвистических стажировок» и погружения в языковую среду в чувашской деревне.

Успехи в овладении чувашским, по мнению опрошенных, всецело зависят от количества времени, проведенного с носителями языка в деревне. *«В деревне это происходит совершенно естественным образом. Потому что ребенок слышит речь у бабушки дома, пока там живет. Допустим, бабушка разговаривает с прабабушкой, они между собой разговаривают по-чувашски. Бабушка спрашивает у моей мамы, допустим, что-то, а прабабушка не слышит, и Маша отвечает вместо бабушки. Или она подбегает уже и говорит, повторяет за бабушкой: “щи”, “ешь”, “принеси” на чувашском. Даже если с ней разговариваем по-русски, но она вставляет фразы чувашские. Она живет с марта месяца по июль сейчас. Также в саду там параллельно идет общение на чувашском и параллельно на русском, сразу два языка идут параллельно. И они, дети, естественно, с малых лет знают и русский, и чувашский. То есть, конечно, так как она живет в Чувашии, у нее этот процесс идет интенсивнее» (Татьяна Т., 36).*

Неоднократно в процессе опроса респондентов доводилось слышать о том, каким образом дети проявляли интерес к чувашскому языку, находясь в чувашской деревне. *«И дети, конечно, там чуть-чуть тоже были заинтересованы в чувашском языке. Особенно сын. Он у меня даже тетрадь завел, он писал, вот бабушка ему все слова говорила. Бабушка его обучала чувашскому языку, и у него по сегодняшний день сохранилась эта тетрадь, да.*

Вот если дочь у меня чуть-чуть, а сын у меня много чего знает! Но когда разговорной речи нет, естественно, не так язык запоминается» (Анатолий Г., 73). Приведем свидетельства респондентов второго поколения: *«Когда мы ездили в Чебоксары, иногда дедушка с бабушкой, по маминей линии, они разговаривали на чувашском. И сестры дедушки тоже. Да, в детстве мне было интересно! Я училась считать до десяти, какие-то слова пыталась узнать, книжки там смотрели, мы покупали. Мне было интересно смотреть на эти вот буквы, как бы... читали сказку “Нарспи”, так что... это было! Было интересно. В детстве вообще мне много было что интересно, и это — чувашская культура — в том числе! Я думаю, что все, чем я интересовалась, мама сразу подхватывала и предоставляла мне полную информацию по этому поводу»* (Ксения С., 35), *«Я чувашского не знала, когда приехала. Ни одного слова. Была в шоке, будто за границей. Маму все в бок тыкала: “Мама, ну скажи, ты чего мне по-иностранному разговариваешь? Чего вы говорите?”. Потом я на каникулах научилась с детьми разговаривать, мне было обидно, но я быстро схватывала. Кушакошка, было мое первое слово. Там я и узнала»* (Людмила О., 46), *«До четырех лет я вообще говорила только на чувашском! Дело в том, что как раз тот период, когда ребенок начинает разговаривать, мы поехали к бабушке. И вот так получилось, что когда приехали обратно в Москву, я не умела разговаривать по-русски! То есть я научилась только в садике. В четыре года меня отдали в садик. И мне вообще очень приятно, что так все получилось. В садике никакого стресса не было, потому что все равно дети быстро друг друга понимают. У меня вот брат есть родной, младший, он тоже знает чувашский язык, он разговаривает. Мы каждый год отдыхаем у бабушки в Чувашии. И вот бабушка наша она всегда была рада, что мы его знаем, язык, что мы на нем разговариваем. Мы всегда говорили»* (Ольга Д., 28).

Респонденты, которые, напротив, не так часто бывают с детьми на малой родине, вынуждены констатировать следующее: *«Когда Анфиса родилась, мы еще сказали, что постараемся, чтобы она чувашский знала обязательно. Хотя бы понимала. Но достичь этого практически сложнее, потому что мы не оставляем ее там. Вот если бы, может, на три месяца оставляли, тогда вот, а так вот месяц — маловато. Она знает “Я тебя люблю”, а другие слова... “кошка”, “собака” пока не знает. Но в целом, мы очень*

хотим, чтобы она знала» (Наталья С., 32); «Чувашикий тогда хороший, когда общение не ограничено, в деревне. Чувашикий у детей, конечно, слабенький, мало бываем. Старший понимает что-то, разговорную речь, “подай”, “принеси”, в игре какие-то моменты. Но интереса у него к этому особого нет, обходится там русским» (Татьяна Ю., 33). «Вопроса не стояло в нашей семье, жена у меня русская, дети, к сожалению, чувашского языка не знают. Только пару слов. “Спокойной ночи”, например. Мало ездим. А дети — они ведь быстро схватывают, когда приезжают, общаются. Мы мало ездили, служили, на деревню мало времени оставалось. Но это мое упущение, моя вина в этом. Признаю, что мои дети мой родной язык не знают. Два года назад в последний раз были, бабушка с внуками на ломаном русском общается, у нее чувашский в основном, русский у нее не чистый, но для общения с внуками хватает. Ну и русский там все знают с малолетства. Сейчас же телевизор, интернет, ну и сами они, к сожалению, чувашским не интересуются» (Сергей И., 47 лет).

По наблюдениям некоторых респондентов, русскоязычные дети скорее становятся в чувашской деревне очагом распространения русского языка и культуры: *«Когда я в детстве бывала в чувашской деревне, на родине родителей, сложилась такая ситуация, что мамина подруга, чтобы ее дочь знала русский язык... в общем, благодаря мне та выучила русский язык в совершенстве. В чувашской деревне в компании я транслировала русский язык и культуру» (Анна А., 40).*

Дети, которые проводят достаточно времени в Чувашии и погружены в языковую среду в деревне, в какой-то мере усваивают базовый уровень чувашского, в результате возникает парадоксальная ситуация: родителям не столь успешно удается применять чувашский в конспираторной функции в Московском регионе. *«Допустим, я хочу сказать то, что я бы не хотела, чтобы дети услышали, тогда мы с мужем начинаем на чувашском общаться, а сын кричит: “А почему так?!”. А он-то понял!» (Ольга Т., 32). «По-чувашски разговариваем дома, чтобы дети не поняли. Это часто бывает! Но старшая понимает и может тебе и в ответ дать! А младшая пока еще... но я думаю, что она тоже понимать начинает, потому что... Буквально недавно в Чебоксары, в деревню, в Красночетайский район к сестре приезжали, мы с ней на чувашском языке разговаривали, она поняла, что моя сестра выходит*

корову доить. “Я, — говорит, — тоже с тобой пойду, тетя Лида!”. Но сказала по-русски. Если вот мы чаще будем ездить в Чебоксары и в деревню, конечно, она будет знать чувашский язык» (Маргарита Е., 43). «С мужем по-чувашски, если жалуешься на детей. Сейчас старшая начинает понимать, в деревню ездим, а раньше очень удобно было! Иной раз я думаю, учить ли ее чувашскому языку. Ведь будет все понимать тогда!» (Наталья С., 32).

5. Курсы чувашского языка в Москве

Другим средством овладения чувашским в условиях диаспорного проживания в полилингвальном пространстве города при крайне слабой межпоколенной передаче этнического языка в семье представляются языковые курсы. Курсы по изучению чувашского языка в течение ряда лет функционируют при Полномочном представительстве Чувашской Республики в Москве, занятия организованы в группах по уровням и проводятся бесплатно по воскресеньям.

В нашем исследовании респондентам первого поколения, имеющим детей (58 человек в выборке), был задан вопрос о том, хотели бы они, чтобы в Москве преподавался чувашский язык. Полученные результаты выглядят следующим образом:

Таблица 3.

Ответ	20–30	31–40	41–50	51–60	61–84
да	50 %	62 %	70 %	63 %	21 %
нет	—	15 %	10 %	21 %	29 %
все равно / затрудняюсь ответить	50 %	23 %	20 %	16 %	50 %

В целом, реакция на вопрос о преподавании чувашского языка была в выборке положительной (53 % от выборки), даже если респондент до сегодняшнего дня «как-то не задумывался об этом, но пусть преподают, ведь чуваш должен знать свой язык» (Вячеслав У., 60), «Молодцы! Хорошая инициатива!» (Алексей В., 29).

Дополнительно тем респондентам, которые с энтузиазмом восприняли идею о преподавании этнического языка (31 человек), был задан вопрос о том, отправили бы они туда своих детей изучать чувашский язык. Рассмотрим полученные данные в таблице 4.

Ответы респондентов в выборке можно разделить на три категории.

Таблица 4. В графах по когортам приводится количество ответов респондентов

Ответ	20–30	31–40	41–50	51–60	61–84
да		3	2	1	1
нет		3	2	1	1
затрудняюсь ответить	1	2	3	10	1

Первая категория, довольно немногочисленная (22,5 % в выборке), включает чувашей, которые положительно относятся к идее преподавания чувашского языка в Москве или области и были бы не прочь отправить туда своих детей: *«Я был бы доволен, если бы были курсы, я бы ребенка с удовольствием туда, чтоб он изучал его. Я хочу, потому что он сам говорит: “Я чувашин”. Хотя он родился здесь, но когда у него спрашиваешь: “Ты кто?”, он говорит: “Я — чувашин!”»* (Станислав Г., 32). Другие, в общем положительно относящиеся к подобной идее, оставляют выбор за своими детьми, если они достаточно взрослые: *«Ну ради Бога, пусть развиваются! Почему бы не развиваться? Никому учеба не мешает! Ей самой решать!»* (Вера А., 54).

Наиболее многочисленной оказалась категория лиц, в целом одобрявшая идею преподавания языка, но затруднившаяся с ответом применительно к своим детям (54,8 % в выборке). Причины затруднения для них заключаются в том, что *«трудно представить себе, как возможно собрать всех людей в одном месте»* (Лев, 44); *«сына бы не стал возить: мы далеко вато живем»* (Олег З., 42). И так, с одной стороны, транспортные проблемы и удаленность от центра — наиболее распространённое препятствие, с другой стороны — возраст детей, особенно если дети уже взрослые, повлиять на мнение которых достаточно трудно: *«Я очень положительно отношусь, но у меня дочь. Дама почти, двадцать один год. Мое мнение, может, и есть. Язык ведь любой — это целый мир! Но она считает, что... Я пытался дочь много раз возить на родину, особенно в детстве. Но пока у нее такое состояние, что она считает, что ей это не нужно. Этот язык. Может быть даже... ей было любопытно в какой-то период времени. Я ей тогда покупал книжки, про историю Чувашии там... ну на русском, с картинками. Она интересовалась. Ну, я думаю, это лично мое мнение. Здесь менталитет у людей тот, что... она тоже иностранный язык изучает, она учится на четвертом курсе на преподавателя английского языка.*

Но я так думаю, что когда-нибудь... ну не знаю... а сейчас, может, у нее такая среда, какие-то другие интересы» (Владимир Н., 58).

Самой интересной, впрочем, является третья категория (22,5 % в выборке): респонденты с энтузиазмом отозвались об идее курсов, однако своих детей конкретно туда отправлять на обучение не намерены, поскольку препятствием для посещения курсов является, по мнению некоторых, собственно чувашский язык: *«Я, наверное, не хотела бы, потому что чувашский язык достаточно сложный. Очень много сложных слов. Литературный сложный. Разговорный — он несложный, а литературный — он сложный. Поэтому те слова, которые используются в литературе, они не укладываются в голове у ребенка — сложно. Поэтому говорить о том, чтобы он его здесь учил, вот этот язык — я бы не настаивала. И даже, наверное, сказала бы, наверное, чтобы он его не учил. Но чтобы он знал, я бы хотела. Потому что для меня это важно»* (Татьяна И., 35).

Резюмируя типичное отношение родителей к изучению детьми чувашского языка вообще и конкретно методам приобщения к языку, приведем следующие выдержки из бесед: *«Нормально, что преподают здесь где-то чувашский язык. А своих детей, в принципе, — нет, не отправила бы. Это не востребовано, это нужно только, если там, в Чувашии»* (Ирина Л., 50). *«Хотели бы Вы, чтобы преподавался чувашский язык? — Да, здорово! — А сына бы отправили? — Ну я вот задумываюсь, нужно ли для него вот это вот... изучать именно чувашский язык. Я с его стороны такого сильного интереса не вижу, для общения — в деревне, с детьми, с ровесниками — он и так ездит на каникулы в деревню и общается. И дети с ним на чувашском общаются. Для него это как-то достаточно пока. Ну а курсы — если это кому-то необходимо»* (Эльвира Е., 37).

Наконец, те, кто выступил вообще против идеи преподавания чувашского языка в Москве (19 % в выборке), свое решение мотивировали крайней его невостребованностью, ненужностью, связью с деревенским укладом жизни, трудностью в изучении, общей распространенностью русского языка в Москве и необходимостью изучения иностранных языков. *«Ну а что — чувашский язык? А что делать чувашским языком? Они же деревню не едут?»* (Петр М., 71), *«Я вообще не вижу целесообразности этого. Потому что... язык не распространен. В принципе, да. И кому нужен язык, они общаются на этом языке и могут изучить. А чтобы в Москве — это*

совершенно не нужно делать» (Елена, 34), «Я как бы не вижу смысла! Общаются-то все на русском, как бы общепринято. Чувашский язык — он очень тяжелый, изучать-то его. Особенно грамматика, трудно мне в школе казалось» (Аркадий П., 51), «Для меня лично в этом никакой перспективы нет. Переезжать в Чебоксары я не собираюсь. А изучать тут язык, который не будет иметь практики — в этом нет никакого смысла, да. Ну а те, кто ходит учить чувашский язык: они что, уже знают английский язык? Знают уже французский язык?» (Вячеслав Л., 62).

В выборке 2% опрошенных в первом поколении и 20% во втором имеют непосредственное отношение к курсам. В первом поколении в выборке чувашский на курсах изучают уроженцы городов, райцентров и поселков Чувашской Республики, которые в свое время не изучали чувашский язык в школе: «В то время вообще стеснялись чувашского. Даже если приезжали из деревень, то в основном старались говорить на русском. На курсах я оказался, потому что просто чувствовал какой-то дискомфорт, что не знаю чувашского языка. Ну вернее... не “не знаю”, а “плохо знаю”. Причем такого дискомфорта в молодые годы я не испытывал. У меня такое после сорока началось. Корни свои узнать» (Александр М., 44). «Я на курсах сейчас сам: хожу в школу! Потребность возникла в связи с тем, что отец — чувашский композитор, изучая его песни, у меня появились затруднения в чувашском языке. А надо дословно знать, чтобы понять смысл этих песен, к столетию отца готовил программу на радио. Это была необходимость, понял, что чувашу по национальности надо обязательно знать свой родной язык» (Юрий Ч., 63). По словам одного из непосредственных организаторов и преподавателей курсов, «это осознанно приходящие люди, и поэтому с ними работать легче. То есть это не то что школа в городе, обязателька, когда тебе родители говорят: “Зачем ты учишь этот чувашский? Когда еще он тебе пригодится?”. Естественно, это уже в подсознании ребенка откладывается, что да, чувашский язык — это язык второго сорта, это язык, с которым нет будущего у тебя, причем нигде. Нет интереса, значит. А если нет интереса, то и не учится язык. А здесь — наоборот. Интерес есть у ребят. Абсолютный» (Евгений С., 31).

Во втором поколении в выборке изучающие чувашский на курсах — «это дети тех родителей, которые не передали язык, либо оба родителя — чувашки, либо один из них. В любом случае, они,

к сожалению, не передали язык. И дети очень хотят его выучить и интересуются» (Оксана А., 25). Один из респондентов, представитель второго поколения диаспоры, заявил в интервью: «Я пришел на курсы чувашского, потому что... Люди обращаются к своим корням, когда... ну когда как бы... зов души. Когда наступают трудности в жизни, тогда зов души и происходит!» (Андрей Ж., 49). Более того, кажется, «очень много родителей, которые хотели бы в Москве детей чувашскому обучить. Это из тех, кто переехали в свое время, когда им было по 25 лет в Москву. Здесь они, собственно говоря, устоялись, здесь дети родились. В принципе, у них русский язык уже. Но к нам они приводят детишек, чтобы чувашский изучать, но для них нужна отдельная группа» (Евгений С., 31). Эти замыслы осуществились в 2016 году, когда была открыта группа для детей.

В настоящий момент, однако, в рамках проекта функционируют лишь две группы, одна общая для взрослых, другая — для детей в силу крайней загруженности единственного преподавателя по основному месту работы, никак не связанному с курсами. Помимо этого, по инициативе преподавателя курсов чувашского языка функционирует разговорный клуб чувашского языка «Аванклуб», задачами которого являются «знакомство с единомышленниками, интересными людьми, приглашенными для проведения лекции; пополнение лексики путем проведения игр на чувашском языке; совместный просмотр фильмов; обсуждение интересных и актуальных тем на чувашском языке» (Оксана А., 25).

Удивительным, впрочем, является даже не интерес и активность представителей второго поколения диаспоры, а отношение родителей, мигрантов первого поколения, к тому, что дети неожиданно проявляют интерес к чувашскому: «Раньше дети не особо учить хотели. А сейчас дочь говорит: “Мам, ну как так, ты сама из Чувашии, а чувашского языка не знаешь!”. И сын тоже, что, мол, языка не знает, а я ему говорю: “Всё в твоих руках, сынок, учи!”. Но мы, родители, не виноваты, мы прожили в поселке, там по-русски все разговаривали» (Ирина Л., 50). Или отношение родителей к тому, что дети самостоятельно взялись за изучение чувашского языка. Приведем некоторые выдержки из бесед: «На курсах я оказался, потому что мне интересно. Мне интересен стал язык. Я сначала сам стал учить, нашел самоучитель, потом искал, где можно позаниматься. Узнал, что курсы проводятся здесь.

Пришел сюда. И не разочаровался! Но папа не очень хочет практиковать язык со мной... Ну он ничего не объясняет, он у меня вообще не очень разговорчивый» (Сергей И., 25), «В принципе, меня всегда интересовала наша культура и чувашский язык. И так или иначе я что-то пыталась читать, и однажды на одном из мероприятий чувашских вышли люди и сказали, что вот будут курсы. Я уже очень давно хожу... Но как ни странно, родители отнеслись довольно равнодушно и скептически. Вот, делать тебе нечего, с ума сходишь, как-то так. Ну вот папа до сих пор говорит, что у меня очень странное произношение, и как-то в принципе.. в этом плане он не идет мне навстречу. И я это скорее для себя делаю» (Татьяна С., 27). Те же, кто пытается практиковать чувашский, освоенный в рамках курсов, с родителями, вынужден констатировать следующее: «Ну стараюсь знания применять! Родители к этому относятся в принципе положительно. Вот... Но из-за того, что я могу говорить банальные вещи.... То быстро переходим на русский, ну чтобы более... там диалог получался» (Александр М., 44).

В заключение приведем слова преподавателя курсов: «Самое главное — это практика языка в семье, важно учить язык со своими детьми дома, тогда и курсы никакие не понадобятся, чтобы изучать чувашский как иностранный!» (Оксана А., 25).

6. Выводы

В результате обследования стало очевидно, что в выборке респонденты первого поколения чувашской диаспоры в Московском регионе в основном не испытывают опасений по поводу возможной утраты этнического языка в силу, с одной стороны, частых языковых контактов с малой родиной, с другой стороны, ввиду широкого использования современных телекоммуникаций. Проблема сохранения этнического языка касается в основном второго поколения, поскольку межпоколенная передача чувашского в семье достаточно слабая: в Московском регионе активные билингвы используют чувашский в сферах межличностного общения (бытовое, внутрисемейное, дружеское), как правило, с ровесниками или людьми более старшего возраста, почти никогда — с детьми в коммуникативной функции; в отношении последних чувашский употребляется ими скорее в конспираторной функции.

Надежды, которые члены диаспоры первого поколения возлагают на чувашскую деревню в передаче детям этнического языка, в некоторой степени оправданы, однако уровень приобретенных знаний, по мнению респондентов, напрямую коррелирует с временем пребывания в деревне; более того, нередки случаи, когда респонденты второго поколения в чувашской деревне становятся скорее очагом распространения русского языка.

Идея организации курсов по изучению чувашского языка как один из способов поддержания языка в диаспоре в целом была одобрена респондентами, однако в большинстве своем опрошенные затруднились с ответом на вопрос о том, стали бы конкретно их дети посещать подобные курсы, а некоторые и вовсе ответили отрицательно, указав на трудности в освоении чувашской грамматики. Активная позиция некоторых членов диаспоры во втором поколении, посещающих курсы, вызывает скорее недоумение у их родителей, этнических чувашей.

Таким образом, декларируя важность знания чувашского как языка своих корней, малой родины, родители на деле не прикладывают усилий и не оказывают поддержки детям в вопросе изучения этнического языка.

Литература

- Иванов 2005 — В. П. Иванов. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2005. [V. P. Ivanov. *Etnicheskaja geografija chuvashskogo naroda. Istoricheskaja dinamika chislenosti i regional'nye osobennosti rasselenija* [Ethnic geography of Chuvash people. Historic dynamics of population and regional peculiarities of settlement]. Cheboksary: Chuv. Kn. izd-vo, 2005].
- Михальченко 2006 — В. Ю. Михальченко (отв. ред.). Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. [V. Ju. Mikhali'chenko (ed.-in-chief). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow, Institut Iazykoznanija RAN, 2006].
- Фомин 2016 — Э. В. Фомин. Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 824–833. [E. V. Fomin. *Iazykovaia situatsiia v Chuvashii* [Language situation in Chuvashia] // *Iazyk i obshchestvo. Entsiklopediia*. Moscow: Izdatel'skii tsentr Azbukovnik, 2016. P. 824–833].

Источники

Всероссийская перепись населения 2010 года [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itoqi1612.htm (дата обращения 15 января 2018 года). [Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda [Russian State Census of 2010] [online resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itoqi1612.htm (access date 15.01.2018)].